

Алек^С Экслер

ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ
ПОВЕСТИ
О
ЛЕЛИКЕ

Настоящие рыбаки не пьют. Когда не ловят.

Алекс Экслер
Маленькие повести о Лелике
Серия «Лелик»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120755

Аннотация

Особенности национальной охоты и рыбалки отечественных молодых «интеллектуалов».

Знаменитые повести «Лелик едет на охоту» и «Лелик едет на рыбалку».

Пить и гулять без цели – скучно!

Но что, если подобные средства оправдывают цель – хоть что-нибудь поймать или пристрелить? Как?! О, на это у нас – свой особый путь!

Содержание

Лелик едет на охоту	4
Лелик едет на рыбалку	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алекс Экслер

Маленькие повести о Лелике

Лелик едет на охоту

Утром Лелик проснулся с каким-то непонятным ощущением праздника. Это было довольно странно, потому что вчера он серьезно перебрал со своим знакомым поэтом Андреем Фуфайкиным, который недавно взял себе псевдоним «Первозванный».

Лелик долго и мучительно вспоминал, что же они такое вчера вытворяли, но память поначалу отказывалась сообщать хотя бы какие-нибудь сведения, поэтому ее пришлось подстегнуть бутылкой пива. После второй бутылки Лелик вспомнил свое отчество, а также практически полностью восстановил вчерашнюю картину. Ничего особенного, впрочем, не произошло. Они выпили две бутылки водки, потом долго читали друг другу свои собственные стихи, периодически раздражаясь слезами восторга и криками: «Старик! Это же гениально!»

Фуфайкина Лелику удалось выгнать часа в три ночи, тот на прощанье встал на колени и поцеловал Лелику руку. Ле-

лик был растроган, поэтому тоже встал на колени и поцеловал Фуфайкину ногу, потому что тот руку из скромности отдернул. На этом воспоминании Лелик пожалел, что разбудил-таки остатки памяти, потому что эту сцену ему вспоминать вовсе не хотелось.

Но ощущение праздника, тем не менее, не проходило. И тут Лелик вспомнил, что сегодня фирма, где он работает, выезжает на охоту. А Лелик давно ждал этого, потому что вообще любил подобные мероприятия, а кроме того, всерьез рассчитывал соблазнить секретаршу начальника.

Как оказалось, на фирме почти у всех было приподнятое настроение. Один Генеральный, которого звали Геннадий, был хмур и невесел. Но это было неудивительно, потому что его на охоту не отпустила жена. Зато совет директоров в лице Андрея (начальник отдела кадров), Сергея (ответственный за ценовую политику) и Мотылькова (специалист по работе печенью; он занимался бесконечными пьянками со всякими нужными людьми) был одет в джинсовые костюмы и поражал улыбками и благодушием, от которого за версту несло несколькими упаковками пива.

Лелик в этой конторе работал начальником маркетингового отдела, в совет директоров не входил, но к его мнению прислушивались и часто приглашали на совещания и важные пьянки.

Первая половина дня прошла в деловой обстановке. Совет директоров заперся в кабинете Генерального, где драз-

нил Гену новенькими «ремингтонами» и всяким охотничьим снаряжением. Лелика туда не пригласили, потому что Генеральный потребовал от него перенести на компьютер новенький логотип фирмы, который Гена разработал собственноручно и даже зарегистрировал в какой-то официальной конторе.

Лелик сидел и грустил. Потому что логотип представлял собой набросок странного символа, похожего на пожарный кран. Переносить его в таком виде на компьютер Лелику не хотелось, но Генеральный строго-настрого запретил вносить в рисунок какую-либо отсебятину. Вообще говоря, символ должен был изображать цветок лотоса, хотя официально фирма называлась «Лотус». Почему именно «Лотус», а не «Лотос», на фирме не знал никто. К совету директоров с этим вопросом, как выяснилось, было опасно подходить, потому что в этом крылась какая-то зловещая тайна.

Пару раз Лелик пытался прорваться в кабинет Генерального, чтобы вытребовать себе некоторое пространство для маневра с логотипом, но останавливался полюбезничать с секретаршей Наташей, которая сидела у входа в кабинет, и забывал, за чем пришел.

Перед обедом, впрочем, совет директоров разошелся по своим кабинетам, и Гена сам пригласил Лелика к себе. Лелик зашел в приемную и бодро спросил Наташу:

- Как настроение у шефа?
- Отвратительно, – честно ответила та.

«Ну, не возвращаться же, – подумал Лелик. – Плохая примета, как говорят», – и бодро шагнул в кабинет.

Гена сидел за столом, разговаривал по телефону и грустил. Судя по особенному оттенку грусти, блуждающей на его лице, разговаривал он с женой. Увидев Лелика, он сделал ему знак садиться и загрустил еще больше. Когда грусть на светлом челе Генерального из тональности «Полный минор» перешла в разряд «Отчаяние со снегом и грозами», Гена с ненавистью сказал: «Целую, любимая», положил трубку, достал из кармана пистолет и выстрелил в картонную коробку, которая стояла в углу кабинета.

– Это я так разряжаюсь, – объяснил он изумленному Лелику.

– Ага, – сказал тот. – Хорошо еще, что пистолет духовой.

– С боевым сложнее, – поделился Гена. – Стену потом раз в неделю ремонтировать приходится. Да и охрана сразу сбегается. Хотя боевой намного больше расслабляет, – и с этими словами выпалил из пистолета по люстре.

– Ген, – заторопился Лелик. – С логотипом я поработал. Твой вариант, спору нет, смотрится просто отлично, но для компьютера пришлось его чуть-чуть изменить. Вот, посмотри.

Гена взял листок, несколько минут смотрел на него, а потом спросил:

– Это что?

– Это наш логотип для бланка, – твердо ответил Лелик. –

Цветок лотоса.

– Мне не нужен цветок лотоса, – заявил Генеральный. – Мне нужен цветок лотуса. Я его изобразил совершенно правильно. К тому же, логотип уже зарегистрирован. Возьми мой вариант и просто нарисуй его на компьютере. И не надо много думать. Думать – моя задача. Твоя задача – выполнять распоряжения начальства. Много будешь думать, станешь такой же душой, как моя жена. Понял?

– Понял! – четко ответил Лелик. – Разрешите выполнять?

– Шуруй, – сказал генеральный, – а то я тебя к пираньям брошу. Я всех сегодня к пираньям буду бросать, а то распустилась контора, просто сил никаких нет! – и стал пулять из пистолета в аквариум, где действительно плавали пираньи.

Лелик весь красный выскочил из кабинета, бормоча ругательства, и побежал к себе, чтобы перенести на компьютер этот чертов логотип.

Генеральный в этот день разгулялся не на шутку. Второй его жертвой стала секретарша Наташа, которую Гена застал на рабочем месте, совершающей ужасное святотатство: она раскладывала на компьютере пасьянс. Генеральный ненавидел компьютерные игры, абсолютно логично считая, что это отнимает у фирмы деньги, поэтому строго-настрого запрещал подобные развлечения в офисе.

Впрочем, в другой день Наташа, может быть, отделалась бы просто строгим внушением, но в этот день Гене под руки и под ноги лучше было не попадаться. Как только Гене-

ральный увидел эту вопиющую картину, он быстро подошел к столу, схватил монитор, со страшной силой шваркнул его об пол и заявил, что стоимость монитора будет вычтена у Наташи из зарплаты.

На шум и Наташины крики сбежалась вся контора. Лелик хотел было увести девушку к себе в кабинет, чтобы ее там утешить, но прекрасная половина офиса увела ее в женский туалет, так что Леликовы человеколюбивые порывы не были должным образом оценены.

В обед, впрочем, все успокоилось. Лелик как начальник отдела обедал вместе с директором. Мотыльков демонстративно достал литровую бутылку водки, водрузил ее на стол и в ответ на возмущенно-удивленный взгляд Генерального заявил, что сегодня – можно, потому что едем на охоту. Гена, как ни странно, спорить не стал, выпил вместе со всеми и понемногу пришел в благодушное настроение. За обедом разговаривали об охоте и вспоминали различные несчастные случаи, которые там случаются. Генеральный с интересом это все выслушал, а потом заявил, что в следующий раз на охоту поедет вместе со всеми, а также возьмет с собой жену, если ему обещают хотя бы один несчастный случай.

После обеда в конторе работали только те, кто не ехал на охоту. Остальные носились по офису в праздничном настроении, попивали пиво и укладывали провиант.

Лелик еще час корпел над логотипом пожарного крана, наконец, перенес его на компьютер, полностью сохранив ге-

ниальную задумку Генерального. От водки, выпитой за обедом, Лелику ужасно хотелось спать. Он минут пять крепился, ословело глядя в монитор, а потом сам не заметил, как голова опустилась на клавиатуру, и Лелик заснул.

Пробуждение было ужасным. Голова, лежащая на клавиатуре, за пятнадцать минут сна ухитрилась создать примерно двести страниц в графическом редакторе, а от тщательно нарисованного логотипа осталась только совершенно абстрактная картинка.

Лелик огласил офис громким матным словом и принялся заново рисовать этот чертов логотип. Через час распечатал это безобразие на принтере и отправился показывать Генеральному.

В коридоре, перед входом в секретарскую, собралась небольшая толпа, состоящая из секретарш и работников фирмы. На вопрос Лелика, почему никто не заходит внутрь, ему объяснили, что совет директоров в полном составе засел у Гены в кабинете, в котором они открыли дверь в секретарскую, повесили в проем мишень и теперь развлекаются пальбой из духового пистолета. Вот никто в секретарскую и не заходит, боясь попасть под обстрел. А когда это все закончится, не очень понятно, потому что запасов патронов хватит минимум на неделю.

Лелик все это выслушал и принял единственно верное решение: лег на пол, поднял вверх руку с распечаткой логотипа и пополз в секретарскую. Из кабинета его заметили не сразу,

поэтому Лелик некоторое время лежал прямо под мишенью, опасливо прислушиваясь к свисту пульк над головой. Пальба остановилась только после того, как две или три пульки пробили логотип.

Гена торжественно забрал листок из руки Лелика, похвалил за проделанную работу и бесстрашие перед лицом опасности, после чего заявил, что отныне этот листок станет боевым знаменем фирмы. Директорат это решение встретил приветственными криками и аплодисментами, Мотыльков немедленно укрепил пробитый листок над столом Генерального, после чего Лелика отпустили с миром.

До отъезда на охоту оставалось менее двух часов, и Лелик уже просто изнывал от безделья. Работать ему не хотелось, играть было небезопасно, поэтому он просто не знал, чем себя занять. Тут в офис неожиданно заехал проспавшийся Фуфайкин, который хотел у Лелика выведать подробности вчерашней вечеринки. Лелик с удовольствием рассказал ему о том, что они вчера вытворяли, Фуфайкин похихикал и признался, что вообще-то Леликовы стихи никогда не читал, потому что, кроме своих стихов, никакие другие не признает вообще. Лелик сказал, что у него примерно такая же беда, после чего они сначала похихикали вместе, а потом почему-то загрустили.

Чтобы разрядить обстановку, Фуфайкин предложил Лелику показать на его компьютере образцово-показательное завешивание Windows 95. Лелик согласился, потому что

любил образцово-показательные завешивания Windows 95. У него от них как-то сразу становилось теплее на душе. Фуфайкин запустил ДОС-овское приложение, создал файл crash.com, напихал в него набор всяких случайных символов и запустил. ДОС-овское окно стало дурковать, но Windows не зависла.

Фуфайкин сказал: «Хмм», почесал подбородок и заявил, что у него дома Windows после аналогичных манипуляций зависала вусмерть. Лелик прибил дуркующее ДОС-овское окно и намекнул Фуфайкину, что кое-кому нужно выпрямлять ручки. Фуфайкин обиделся, холодно откланялся и отбыл по своим делам. Лелик еще некоторое время сонноковырялся на компьютере, потом совсем впал в тоску и отправился в секретарскую, чтобы полюбезничать с Наташей.

В секретарской между тем работа кипела вовсю. Наташа вместе со второй секретаршей Леночкой хлопотали около принтера, который непрерывно выплевывал листы бумаги, на которых была одна и та же картинка с изображением рабочего стола Windows 95. На вопрос Лелика, что, собственно, происходит, Наташа заявила, что принтер сошел с ума, непрерывно печатает одно и то же, у них заканчивается вторая пачка бумаги, а конца-края этому безобразию не видно. Лелик взял один из листочков и в картинке с ужасом узнал изображение рабочего стола Windows 95 **своего** компьютера. А потом с еще большим ужасом вспомнил, что за пять минут до прихода Фуфайкина в качестве принтера по умол-

чанию выставил сетевой принтер в секретарской.

Оказалось, что в программе Фуфайкина были символы, которые требовали от Windows 95 немедленного распечатывания содержимого экрана, что она и сделала много-много раз. Лелик быстренько вычистил из очереди печати все то, что туда накидала фуфайкинская программа, несколько раз про себя обозвал Фуфайкина нехорошим словом, остановил процесс печати, а потом долго млея от благодарностей, которыми его осыпали секретарши.

Впрочем, минут через пять из кабинета вышел Генеральный и сразу вставил по первое число всем, находящимся в секретарской, за неэкономное расходование бумаги. Больше всех, разумеется, досталось несчастной Наташе, которую Лелик попытался было снова утешить, но был выгнан Генеральным к себе в отдел.

Между тем подошло время выезжать. В офис понаехали ребята из пары дружественных фирм, которые тоже собирались на охоту, и обстановка в конторе сразу стала напоминать штаб-квартиру какого-нибудь маленького государства, где готовится очередной переворот. Все наперебой хвастались своим оружием, боеприпасами и запасами выпивки, а также рассказывали о своих охотничьих подвигах.

Подвыпивший Мотыльков в холле долго изображал секретаршам свою недавнюю охоту на кабана и случайно выпалил в потолок из Ремингтона. Из кабинета немедленно вышел Генеральный, посмотрел на дырку в потолке и заявил,

что, если ему и дальше будут мешать работать, он выгонит всех из конторы в течение двух секунд. У Мотылькова быстро отобрали оружие, и Андрей скомандовал минутную готовность.

По машинам рассаживались недолго. Минут сорок. Охотничья кавалькада состояла из восьми джипов различной степени крутости, жигуля девятой модели, который принадлежал ответственному по работе с таможней, а также микроавтобуса «Рафик», в который были погружены запасы еды и выпивки. Лелика посадил к себе в джип Мотыльков, который заявил, что Лелик должен будет развлекать его в дороге.

Ехать, как оказалось, надо было довольно далеко. Аж за 350 километров в какое-то охотничье хозяйство. Лелик по пути старался, как мог, развлекая Мотылькова. Пел песни, рассказывал анекдоты, изображал танец живота, переругивался с прохожими, высовывал голову в окно и декламировал «Стихи о Ленине», словом, Мотыльков был доволен.

Примерно за 100 километров до охотничьего хозяйства кавалькада дружно остановилась у маленького придорожного трактирчика. Мотыльков сообщил Лелику, что они всегда здесь останавливаются поесть шашлычка и выпить водки, потому что следующая часть пути свободна от гаишников, а всем уже хочется расслабиться.

Хозяин заведения встретил охотников с распростертыми объятиями, потому что, как выяснилось, эта компания всегда за один вечер делала ему недельный план. Народ рассел-

ся за столы, официантка быстро принялась метать на стол лагман (очень острый и вкусный суп), зелень-мелень, шашлык-машлык, кучу всяких закусок и, разумеется, водку. Мотыльков заявил, что водка полагается только водителям, так как они изрядно устали, но был закидан хлебом и солонками, после чего в кабачке установилась полная демократия по части выпивки.

Через час изрядно повеселевшая компания загрузилась по машинам, Лелик лихим маневром оказался вместе с Наташей в «Рафике» с припасами, но был вычислен Мотыльковым, пристыжен и приглашен сесть в его джип. Лелик чертыхнулся, распрощался с Наташей, сел на прежнее место и отрубился минут на пять. Проснулся он от гневных криков Мотылькова, который никак не мог найти руль и педали. Анализ ситуации показал, что Мотыльков сел на заднее место, где и пытался найти водительские причиндалы. Затем Мотыльков обнаружил ручку стеклоподъемника, заявил, что во время ужина неизвестные враги заменили ему рулевое колесо на штурвал, нажал ногой на пепельницу, вмонтированную между передними сидениями, сказал голосом Гагарина: «Поехали» и немедленно заснул.

Лелику пришлось самому садиться за руль, потому что остальная кавалькада уже выехала и вихлялась по дороге. Лелик кое-как вырулил на шоссе, проехал примерно километр и увидел, что вся процессия остановлена патрульной гаишной машиной, вокруг которой стоят пьяные водители,

ведущие интеллигентный разговор с представителями закона. Андрей увидел подъезжающий джип, подбежал к машине, вытащил Мотылькова, разбудил его энергичными ударами по щекам и животу, вручил Мотылькову бутылку хорошего коньяка и отправил разбираться с гаишниками. Надо сказать, что Мотыльков свое дело знал хорошо, потому что через каких-то десять минут вся процессия была отпущена с миром, причем обошлось это в бутылку коньяка, 200 рублей с каждого водителя, а также довесок в виде лейтенанта Володи, которого обязались кормить и поить всю охоту.

До охотничьего хозяйства добрались в 12 часов ночи. Хозяйство представляло собой небольшую гостиницу, стоящую в огороженной зоне рядом с озером. В гостинице, как оказалось, кавалькаду уже поджидала компания директоров из фирмы «Аякс», предводительствуемая совершенно неистовым человеком, которого звали Гоги Абрамович Плетинь. Мотыльков сразу шепнул Лелику, что от Гоги лучше держаться подальше, потому что сочетание в одном человеке грузина, еврея и хохла лучше наблюдать со стороны. А еще лучше – в блиндаже одетым в защитный скафандр.

Все изрядно устали, но сели все-таки за стол, чтобы отужинать на ночь. За столом, разумеется, царил культ Гоги, который произносил цветистые тосты, перемежая их криками «Лехаим», а также пел на хорошем украинском «Ты ж меня пидманула». Девушки откровенно любовались неистовым Гоги, от чего Лелик ощутил мощные уколы ревности,

которые безрезультатно пытался заглушить водкой.

Примерно через час компания отправилась спать, не отвечая на гневные упреки Гоги, который явно собирался куролесить всю ночь. Лелику достался двухместный номер, который с ним разделил Мотыльков. Они закрыли дверь на замок, бросились в кровати и немедленно заснули.

Проснулся Лелик минут через двадцать оттого, что Гоги ногой вышиб замок, ворвался к ним в комнату и потребовал угостить его сигаретой. Мотыльков с проклятиями протянул ему пачку, в непарламентских выражениях попросил не беспокоить их до утра, после чего Гоги обиделся и ушел. Они попытались заснуть, но ровно через пять минут Гоги вновь снес только что с грехом пополам починенный замок, влетел в их номер, неся на руках спящую бухгалтершу из их фирмы, шикарным жестом кинул бухгалтершу на постель к Лелику и заявил, что Гоги свои долги платит немедленно, не дожидаясь утра. Бухгалтерша (кстати, в ней было под 100 кило веса) упала на постель к Лелику, но так и не проснулась.

Тут Лелик понял, что спокойного сна ему не видать, как своих ушей, поэтому принял единственно правильное решение: встать и отправиться куролесить вместе с Гоги. Тот пожал Лелику руку и заявил, что только Лелик из этой компании сонных уродцев является настоящим мужиком, они сдружились и отправились обходить номера, чтобы всем заявить свое отношение к подобному некомпанейскому поведению.

Надо сказать, что не везде им были рады. К концу обхода у Лелика на щеке красовалась здоровенная царапина, которой его наградила сонная Наташа в ответ на попытки Лелика прочесть ей свое стихотворение, а на Гоги вообще было страшно смотреть: правый туфель почти развалился от непрерывного вышибания дверей, на голове топорщился пух после жестокой битвы на подушках с Сергеем, а одежда была вся залита кока-колой после очередного вламывания в комнату с бухгалтершами.

Гоги заявил Лелику, что он не может веселиться в обстановке травли со стороны фирмы «Лотус», поэтому друзья взяли ремингтоны и отправились развлекаться на улице. Идею Гоги пострелять по окнам гостиницы Лелик отменил как неконструктивную, поэтому они минут пятнадцать развлекались пальбой по фонарям. Убив восемь фонарей из семи (у одного фонаря они не только прострелили лампочку, но еще полностью разнесли жестяную оболочку), Гоги загрустил и сказал, что душа хочет праздника.

В этот момент к ним присоединились пятеро хлопцев из Гогиной фирмы «Аякс», компания посоветовалась и решила поиграть в игру «А вот кому новую машину в подарок?». Игра происходила так. Компания подняла на руки новенькую девятку жигулей, которая принадлежала ответственному по связям с таможней фирмы «Лотус» Евгению Ивановичу, и носила ее вокруг гостиницы, периодически останавливаясь под окнами. Гоги выстреливал из ремингтона, задор-

но орал: «А вот кому новенькую машину в подарок?», после чего вежливо выслушивал потоки мата, льющегося из окна, вся компания веселилась, аплодировала, а затем отправлялась к следующему окну.

Примерно через полчаса это развлечение наскучило, и Гоги предложил водрузить машину на крышу сарая. Предложение было встречено с восторгом, но компания, как оказалось, несколько не рассчитала свои силы, так как всю машину на крышу затащить не удалось, поэтому ее так и оставили торчать в вертикальном положении с передними колесами, опирающимися на крышу.

Уже светало, и Гоги заявил, что можно, пожалуй, немного поспать перед охотой. Лелику спать совершенно не хотелось, но одному куролесить было как-то скучно, поэтому он отправился в столовую, выпил еще водки, громко и с выражением прочитал несколько своих стихотворений, удостоился аплодисментов Андрея, который, оказывается, заснул под столом, и отправился, наконец, спать в комнату бухгалтерш, так как его постель была занята.

Спал Лелик нервно, но снился ему прекрасный сон, как будто в комнату бухгалтерш пришла Наташа, легла к нему в постель, стала его обнимать, целовать и ласково кусать за ушко. Лелик, разумеется, отвечал Наташе взаимностью, тоже кусал ее за ушко, гладил по щечкам и жарко шептал всякие любовные глупости. Наташа между тем оказалась довольно смелой и настойчивой, и ее рука твердо двигалась по

пути к Леликовым достоинствам. Когда Наташа была совсем близка к заветной цели, Лелик тоже осмелел, засунул руку под одеяло и... Дикий крик двух мужских глоток разорвал тихое утро в комнате бухгалтерш. Лелик как-то тяжело переходил от сна к суровой действительности, поэтому никак не мог сообразить, почему он лежит с Андреем в одной постели, держит его за достоинство и непрерывно орет, а Андрей держит его за то же место и орет еще громче. А на соседней кровати лежит пятидесятилетняя бухгалтерша Зинаида Пачуевна, смотрит на эту картину и также выражает свои чувства довольно звучным образом.

Через пять минут все выяснилось. Андрей, как он выразился, пришел в гости к толстенькой бухгалтерше, которая была перенесена Гоги в постель к Лелику. Предраассветная мгла и изрядное количество водки помешали Андрею должным образом идентифицировать хозяина постели, поэтому и произошел данный конфуз. Лелик потом долго допытывался у Андрея, почему того не смутила окладистая борода, которую носил Лелик. Андрей поначалу смущался, мучительно сопел и пыхтел, но затем ответил, что бородку заметил, но подумал, что это просто кошка лежит на подушке.

А Зинаида Пачуевна игриво призналась, что хотела было занять постель унесенной Гоги бухгалтерши, но поленилась это сделать, о чем сейчас жалеет. После этих слов Андрей поспешил откланяться, и все опять легли спать.

Утром, то есть в 12 дня, прибежал неугомонный Гоги и

стал орать, чтобы все немедленно поднимались, так как пора уже отправляться на охоту. Народ, зевая и покуривая, выполз из комнат и отправился в столовую. Там разгорелся жаркий спор на тему – кто будет готовить завтрак. Мужская половина полагала, что это дело следует доверить женской, женская половина заявляла, что они здесь как бы гости и уродоваться на кухне не намерены. Наконец, все пришли к выводу, что приготовление еды следует доверить единственному бесправному существу – водителю «Рафика», но тот сказал, что ему необходимо срочно прокачать тормоза, и сбежал. В итоге все завтракали чаем и бутербродами с засохшей колбасой, пока не появился сияющий Мотыльков под руку с толстенькой бухгалтершей, которые пожарили огромную яичницу из пяти десятков яиц.

Через десять минут в столовую ввалился всхлипывающий и бормочущий нечто нечленораздельное Евгений Иванович. Его долго успокаивали, похлопывали по плечу, и он, наконец, рассказал общественности жуткую историю со своей машиной, которая ночью решила слазить на крышу сарая. Спец по связям с таможней так переживал за свой автомобиль, что народ сразу проникся к нему сочувствием и стал выдвигать различные гипотезы – каким образом такое могло произойти. Наконец, все сошлись на том, что Евгений Иванович, вероятно, забыл поставить машину на передачу, а ночью был сильный ветер. Ему налили пива, пообещали всем колхозом вернуть машину на место, и тот понемногу успокоился.

Внезапно в столовую ворвались Гоги и местный егерь, которые заявили, что в пяти километрах от гостиницы обнаружен лось. Мужская половина сразу поднялась и стала собираться на охоту. Женщинам было предложено убраться в столовой и подготовиться к приему добычи, но это предложение с благодарностями было отклонено, и дамы отправились загорать к озеру.

Мужики взяли охотничье снаряжение и расселись по машинам. Егерь заметил, что у Лелика нет ружья, и предложил заехать в деревню, чтобы прихватить какую-нибудь двустволку. Лелику было неудобно сказать воинственному егерю, что он вовсе не собирается в кого-то стрелять, поэтому заявил, что ему не требуется никакого оружия, так как любого зверя он может убить ударом ноги. Егерь оказался довольно простым парнем, поэтому принял все это за чистую монету и с этой минуты старался держаться от Лелика подальше.

Наконец, приехали в лес. Егерь сказал, что сейчас всех расставит по номерам, и провел краткий инструктаж по методике поведения на охоте. Оказалось, что на боевом посту следует вести себя очень тихо, потому что лось все слышит и чувствует за несколько километров. Поэтому, сказал егерь, чтобы не спугнуть зверя, необходимо не разговаривать, не издавать никаких звуков и ни в коем случае не курить. Все охотники должны затаиться по своим номерам и ждать зверя. На том и договорились. Лелика поставили в пару к Мо-

тылькову, их привели на место, еще раз напомнили о необходимости хранить полное молчание и оставили вдвоем.

Первые десять минут они хранили гробовое молчание. Вот только Мотыльков игрался со своим ремингтоном и пару раз случайно выстрелил. Потом Мотылькову захотелось помаленькому, он встал, отошел в сторонку, но там зацепился ногой за корень, после чего с диким шумом и хрустом свалился в кусты. Лелик понял, что лосю их местонахождение стало известно совершенно точно, поэтому достал сигареты и закурил.

Следующие полчаса они курили и трепались. Лелик рассказывал Мотылькову о событиях прошлой ночи, а тот так дико хохотал, что в радиусе трех километров не осталось даже птицы. Внезапно у края леса возник какой-то здоровый силуэт.

– Лось! – заорал Лелик. – Стреляй, Мотыльков! Уйдет же!

Мотыльков засуетился, схватил ружье и два раза выпалил в сторону лося. Потом прислушался и заявил, что первый раз встречает лося на бензиновом двигателе. Лелик тоже прислушался и с ужасом заметил, что лось издает ровное гудение автомобильного движка. Пока они с Мотыльковым переругивались, к ним подъехал джип с чрезвычайно мрачным Гоги. На заднем крыле машины отчетливо виднелось пулевое отверстие. Гоги вылез из машины и стал очень нехорошо смотреть в глаза Мотылькову. Тот занервничал и попытался всю вину свалить на Лелика.

– Хорошо еще, что второй раз не попал, – сказал Гоги, с ненавистью глядя на Мотылькова.

– Ставлю коньяк! – внезапно петушиным голосом вскричал Мотыльков.

Гоги захохотал и сказал, что Мотылькова бить не будет, но стоимость ремонта с него взыщет обязательно. Тот заверил Гоги, что деньги – не проблема, что главное для него – хорошие взаимоотношения. Они помирились и до возвращения остальных охотников соревновались в стрельбе по консервным банкам, которые в изобилии валялись в округе.

Через некоторое время все собрались, поделились друг с другом историями о том, каких зверей они видели на охоте и как чуть было не завалили добычу, расселись по машинам и отправились обратно в гостиницу.

Кавалькада выстроилась в колонну и поехала по лесной дорожке. В голове процессии ехал Гоги. Внезапно он резко дал по тормозам и выскочил из машины. Народ в джипах подумал, что Гоги увидел что-то жуткое, все схватили ружья и также выскочили из автомобилей. Гоги подбежал к народу с совершенно трагичным выражением на лице и гневно закричал:

– Мужики! Мы будем выпивать в лесу или мы не будем выпивать в лесу? Зачем же мы сюда тогда приехали, а?

Все быстро успокоились, из машин достали выпивку с закуской и организовали импровизированный пикничок. Через полчаса решили отправляться домой, но Гоги заявил, что

без добычи возвращаться неудобно, поэтому кавалькада заехала в ближайшую деревню, где были приобретены поросенок, ягненок и пять килограммов свежей говядины.

В гостинице сидели мрачные и голодные дамы, которые не проявили должного уважения к трофеям. Попытки Гоги выдать поросенка за дикого кабана, а говядину – за разделанного лося полностью провалились. Гоги озверел и заявил, что в обстановке полного недоверия со стороны прекрасного пола он ничего готовить не будет, хотя собирался порадовать общество супом из лося и жареным кабаном. Женщины сказали, что они тоже ничего готовить не собираются, поэтому все пообедали чаем и бутербродами с совершенно засохшей колбасой. Впрочем, через двадцать минут со стороны сарая появился сияющий Мотыльков под руку с той же бухгалтершей, они быстро вскипятили воду, приготовили довольно неплохой суп и пожарили поросенка. Посуду после обеда помыли егерь и гаишник Володя. Андрей, сидящий за столом, посмотрел Лелику в глаза и тихо спросил:

– Лелик! А зачем мы женщин с собой на охоту брали?

– А я и не знаю, – ответил тот. – Плохая примета, кстати. То-то мы ничего сегодня не подстрелили, кроме Гогиного джипа.

После обеда Гоги предложил поиграть в преферанс. Лелик осторожно поинтересовался, по сколько они обычно играют. Гоги ответил, что по пятачку. Лелик понял, что имеется в виду пять рублей, а не пять копеек за вист, но сыграть

решился, хотя в своей компании они обычно играли по 25 копеек. Во время преферанса много пили и веселились. Гоги, как оказалось, на 100 % умел угадывать сносы на мизере, так что партия шла спокойно, без крупных игр и никто без крайней необходимости старался не рисковать. К Лелику карта шла со страшной силой, и он тревожно поглядывал в окно, пытаясь разглядеть, что там на лавочке делает Наташа с милиционером Володей.

Наконец, игра закончилась и Гоги быстро обсчитал результаты. Лелик совершенно неожиданно для себя выиграл 800 долларов, потому что, как оказалось, играли они по пять баксов, а не по пять рублей. Лелик залпом хлопнул стакан водки, чтобы прийти в себя, а потом отправился на улицу, чтобы пообщаться с Наташей.

Та сидела рядом с Володей и на появление Лелика отреагировала как-то хмуро.

– Что подельываем? – спросил Лелик, преувеличенно бодрым тоном.

– Любовью занимаемся, – язвительно сказала Наташа.

– Да я, это, стихи вот тут Наташеньке свои читаю, – добродушно пробасил Володя.

– О! Стихи, – заинтересовался Лелик. – Это я люблю. И какими же стихами вы, сударь, радуете прелестную даму?

– Слушай, Лелик, хватит мне тут умничать! – не выдержала Наташа. – Володя пишет отличные стихи про свою работу, про преступников. А ты мне чего вчера ночью читал?

– А что он, кстати, читал вчера ночью? – подозрительно спросил Володя.

– Стихи свои, – объяснила Наташа. – Про мир во всем мире. Я их даже запомнила:

Война не нужна никому.
Пушай на зеленом лугу
Пасутся коровки и козочки
И в пищу используют розочки.

– А? Как тебе нравится? Пушкин, блин. Евтушенко фигов, – и Наташа демонстративно повернулась к милиционеру. – Читай, Володенька, свои стихи, читай.

Лелик разобиделся, вернулся в гостиницу и там как-то очень быстро назюзюкался с Андреем, который тоже тяжело переживал измену толстенной бухгалтерши, которая предпочла ему Мотылькова. Когда они дошли до такого состояния, что могли только мычать негодующие слова по адресу своих возлюбленных, Лелик тяжело поднялся и отправился немного поспать.

Пробуждение было приятным. На дворе было уже темно, а на кровати Лелика сидела прилично выпившая Наташа, которая его будила, говоря, что пора спускаться вниз, ужинать. Лелик решил воспользоваться подвернувшимся моментом, поэтому попытался уложить Наташу на кровать рядом с собой. Та, как ни странно, не сопротивлялась и покорно легла рядом с Леликом, доверчиво обняв его за шею. Лелик только

хотел было ласково поцеловать Наташу в ушко, но та сонно пробормотала:

– Лелик, милый, я так люблю Володю, а он, падла, любит своего начальника – капитана Потапова, – и с этими словами заснула.

Лелик минут пять напряженно думал – воспользоваться ему беспомощным состоянием Наташи или не воспользоваться. Поначалу он решил проявить крайнее благородство и весь просто напыжился от гордости за себя. Но Наташа настолько сексуально лежала у него на плече, что все Леликово благородство куда-то быстро испарилось. Он глубоко вздохнул, стал сам себе противен и осторожно погладил Наташину грудь.

– Геннадий! Ну сколько можно! Кто-то же в кабинет может войти! – громко сказала Наташа, продолжая спать.

Тут Лелик понял, что лучше ему все-таки проявить благородство, поэтому встал и вышел на улицу, чтобы немного развеяться.

На улице Мотыльков обучал толстенькую бухгалтершу стрелять из ружья. Делал он это так: поставил на камень банку, подошел к бухгалтерше сзади и показал, как надо прицеливаться и спускать курок.

– Ну, давай, стреляй, – скомандовал Мотыльков бухгалтерше.

Та повернулась к нему, уперев в живот Мотылькову заряженное ружье со взведенным затвором, и спросила:

– Мотыльков, я не очень поняла – в какой момент надо спускать курок?

Мотыльков немедленно упал на землю. Лелик на всякий случай упал тоже, потому что быть застреленным на охоте бухгалтершей ему как-то не улыбалось.

Бухгалтерша удивилась, опустила ружье так, что оно целилось Мотылькову точно в голову, и спросила:

– Ты чего упал-то? Поскользнулся?

– Подними ружье, дура! Выстрелит, ведь! – заорал Мотыльков.

– А ты, оказывается, трус, – протянула бухгалтерша и повернулась к Мотылькову спиной.

Тот вскочил, как подброшенный пружиной, и стал вырывать ружье из рук бухгалтерши, которая вовсе не хотела его отдавать. Лелик, на всякий пожарный, продолжал лежать на крыльце. Как оказалось, его опасения были не напрасны, так как спустя несколько секунд раздался выстрел и на крыле Гогиного джипа появилось еще одно пулевое отверстие. Лелик сразу подумал, что Гогин джип явно родился не под счастливой звездой. Мотыльков с бухгалтершей между тем в ужасе застыли на месте.

И надо же было такому случиться, что на звук выстрела из гостиницы выскочил именно Гоги! Пьяный и веселый Гоги, который заорал:

– Ну что, Мотыльков, кого еще подстрелили?

Но по застывшей физиономии Мотылькова Гоги как-то

сразу понял, что его ждут не очень веселые новости, перевел взгляд на свою машину и... Через несколько мгновений Лелик сумел насладиться картиной, которая один в один напоминала некоторые сцены из мультфильма «Том и Джерри»: Мотыльков с дикой скоростью носился туда-сюда мимо гостиницы, за ним бежал разъяренный Гоги и лупил Мотылькова здоровенным дрыном, который он успел выломать из забора.

Долго терпеть муки преследования Мотыльков не мог, поэтому, как только в пределах видимости оказалось подходящее дерево, он мигом залез на самую верхушку, где и затаился. Гоги бесновался внизу, пытаясь дрыном достать Мотылькова, но у него ничего не получалось. Мотыльков между тем поняв, что он находится в безопасности, начал дразнить Гоги и говорить ему всякие обидные слова.

В этот момент дура бухгалтерша не нашла ничего лучше, как подойти с ружьем в руках к разъяренному Гоги, чтобы, как она потом сказала, его успокоить. Разумеется, Гоги сразу начал вырывать ружье из рук бухгалтерши, которая его опять же не собиралась отдавать.

Вдруг раздался выстрел, и Мотыльков упал с дерева. Все на мгновенье застыли, а потом воздух прорезал вой бухгалтерши:

– Убили! Убили моего Мотылькова.

Гоги стоял с отвисшей челюстью, да и Лелик себя чувствовал не лучшим образом. Внезапно Мотыльков открыл глаза,

сказал:

– Чего орешь, дура? – и встал на ноги.

Находящиеся в шоке Гоги с бухгалтершей бросились его обнимать, целовать и ощупывать, выискивая огнестрельную рану, но Мотыльков недовольно сказал, что он с дерева упал от неожиданности, а вовсе не от ранения. Тут Лелик неожиданно заметил, что на двери Гогоиногo джипа появилось еще одно пулевое отверстие. Поняв, что последующая сцена оригинальностью отличаться не будет, он быстро поднялся и отправился в столовую.

Там вовсю шла гульба. Народ пел, веселился, танцевал и пил водку в диких количествах. На столе выкаблучивался в дупель пьяный милиционер Володя, который показывал, как он говорил, стриптиз, отрывая по одной звездочке у себя с погон. На улице между тем снова слышались выстрелы. «Кранты джипу», – подумал Лелик, но выходить на улицу и интересоваться результатами у него не было никакого желания.

В углу стола сидел Андрей, пил водку и грустил. Лелик подсел к нему, они снова быстро назююкались и стали изливать друг другу свои горести. Через пару часов Лелик понял, что Андрей – это самый близкий ему человек и что только он правильно понимает мятущуюся Леликову душу. Андрей, вероятно, думал то же самое, поэтому их мужской разговор принял какой-то потрясающий уровень задушевности. Спустя некоторое время симпатия к другу Лелика настолько пе-

реполнила, что он нежно поцеловал Андрея в щечку. Разумеется, именно в этот момент в столовую вошла Наташа, которая с явным отвращением посмотрела на их пару.

Внезапно в дверь ввалились Гоги с Мотыльковым, которые возбужденно рассказали, что только что были на рыбалке, причем практиковали новый способ: стрельба по рыбкам из ружья. На вопрос, а где же добыча, Гоги сказал, что рыбки попались какие-то мелкие и от выстрела разлетались на мелкие кусочки, так что собрать их не было никакой возможности.

Дальнейшее происходящее у Лелика как-то смазлось. Он помнил только, что несколько раз пытался поцеловать ручку толстенькой бухгалтерше, для чего тяжело опускался на колени и вцеплялся ей в руку, чтобы не упасть. Еще помнил, как с Мотыльковым разучивал приветствие негров из Гарлема: они громко хлопали друг друга по ладошкам, пытались стукнуться пяточками, но падали и временами засыпали.

Что было потом, Лелик не помнил совсем. Очнулся он рано утром, лежа в кровати с одной девочкой из своего отдела маркетинга, которая была страшна, как Божий грех. Впрочем, они оба были полностью одеты, так что Лелик надеялся, что ничего особенно страшного ночью не произошло.

Обстановка на завтраке напоминала краткий отдых Наполеоновской армии после ухода из Москвы. Все сидели какие-то помятые, с жуткой головной болью и избегали смотреть друг другу в глаза. Есть было совсем нечего, дамы го-

товить отказывались, а Мотыльков с толстенькой бухгалтершей куда-то запропали.

Через пару часов все кое-как собрались, погрузились в машины и поехали обратно. На появившегося Мотылькова было страшно смотреть. Оказалось, что ночью Гоги вышел на улицу, обнаружил третью дырку на своем джипе, и на этот раз Мотыльков убежать не сумел.

Лелик грустно вернулся домой, поклялся на томике Омара Хайяма в том, что больше в жизни не поедет ни на какие охоты, позвонил Наташе, подышал в трубку и послушал любимый голос, который произнес:

– Ну, какой козел мне в трубку дышит?

Спал Лелик нервно и беспокойно. Снилось ему, что он обучает страшненькую девочку из своего отдела искусству пальбы по Гогинуому джипу.

Лелик едет на рыбалку

Телефон зазвонил неожиданно. Собственно, Лелику никто не мешал выключить его на ночь, точнее, на период, когда Лелик спал, но он до сих пор наивно верил, что в один прекрасный день телефон зазвонит и в трубке раздастся любимый Наташин голос. Конечно, Лелику в его двадцать четыре года следовало быть менее наивным, но бездонные Наташины глаза сильно повлияли на некоторые черты его характера.

Поначалу Лелик вовсе не собирался подходить к телефону, потому что, судя по внутренним ощущениям, было никак не позже семи утра, а для него это была такая несусветная рань, что даже обожаемая Наташа сразу рисковала получить несколько «теплых» словечек, если бы вздумала звонить так рано. Тем более что Наташа и не могла звонить, потому что накануне Лелик с ней разругался вдрызг. А у нее был не такой характер, чтобы самой просить прощения.

Между тем телефон все звонил и звонил. Наконец, перестал. Лелик попытался опять заснуть, но телефон снова ожил. «Моп твою ять», – подумал Лелик, решив все-таки подойти к телефону, чтобы убить звонящего гневным словом. Кое-как он поднялся, по пути взглянул на свое отражение в зеркале, по результатам осмотра пробормотал матное слово, дотащился до телефона, поднял трубку и с ненавистью ска-

зал:

– Ну?

На том конце слышался веселый голос Макса.

– Лех, – закричал он, – я тут вычитал, что на Земле – почти двести пятьдесят стран!

– Макс, – заорал в ответ Лелик, – а ты не мог выбрать более подходящее время, чтобы сообщить мне эту волнующую новость?

– Ты представляешь, – не слушая его, орал Макс, – двести пятьдесят стран, а мы с тобой – попали! Это же какая маленькая вероятность была! Одна двести пятидесятая! Не, Лелик, я точно разочаровался в теории вероятности! Могли родиться в Португалии, в Италии, в Грузии, наконец, а попали – сюда. В совок! Ну не скотство?

– Слушай, – безнадежно сказал Лелик. – Мне можно положить трубку и отправиться спать? Я хочу тщательно обдумать эту информацию. И еще очень хочу послать тебя в пешее эротическое путешествие, чтобы ты, зараза, не звонил так рано, чтобы сообщить какую-то ерунду.

– Лелик, – ответил Макс, – расслабься. Это было просто лирическое вступление, чтобы поднять у тебя настроение.

– Ага, – язвительно сказал Лелик. – Поднял, как же. Я аж вою сейчас от восторга.

– Блин, ну хватит нюнить, – в свою очередь возмутился Макс. – Я, между прочим, по делу звоню.

– Знаю я твои дела, – поморщился Лелик. – Меня после

прошлого дела чуть с работы не выгнали. Знаешь же, что я плохо умею останавливаться, так нет – обязательно надо меня в какую-нибудь историю втравить. Ты, Максимка, мой злой гений и демон-искусатель.

– Точно, – польщенно сказал Макс. – И я даже знаю, за какое место тебя сейчас искусаю.

– Не придирайся к словам, – ответил Лелик. – Лучше говори быстро, зачем звонишь. А то я торчу в коридоре, словно какой-то Аполлон занюханный. Так недолго все придатки простудить.

– Лех, хочешь поехать на рыбалку? На настоящую генеральскую рыбалку!

– Ну, хочу, – протянул Лелик. – В принципе, хочу, – поправился он, помня, что максовы обещания обычно редко соответствовали действительности. – А что за рыбалка? Небось, привезешь к прапорам в Монино, нахрюкаемся водки и вся любовь? Из серии – удочки не брать, из машины не выходить?

– Какие прапора? – возмутился Макс. – Это Серега – мой брат – приглашает. Он же полковник. Сказал, что меня, непутевого, возьмет, если я тебя с собой прихвачу. Ему твои песни нравятся.

– Ага! – понял Лелик. – Значит, тебя без меня не возьмут. Так-с, надо подумать, какую мзду с тебя за это слупить... Дашь мне твою вельветовую итальянскую курточку поносить на рыбалке? Там же, небось, девушки будут.

– Ну ты, парень, и обнаглел! – Макс аж задохнулся от возмущения. – Я тебя на шикарную рыбалку приглашаю, а ты с меня еще и мзду требуешь? Может, тебе, еще и сто баксов отдать, которые я в прошлом году занимал?

– Сто баксов не надо, – ответил Лелик. – Я про них и думать забыл, потому что ты все равно никогда не отдашь. А вот курточку поносить хочется. Она мне больше идет, чем тебе. Курточка сшита на представительного мужчину, а не на такую глисту, как ты.

– Глиста, не глиста, – не обиделся Макс, – а Светка-то в прошлые выходные на меня запала, сколько ты там ей не зудел о Набокове и не гадал по руке, херомант фигов.

Лелик насупился. Эту историю вспоминать было неприятно. Действительно, он почти весь вечер обрабатывал симпатичную девчушку, которая, вроде бы, прониклась к его напыщенному витийству большим интересом, но, когда Лелик отправился за очередным коктейлем, негодяйский Макс увел ее потанцевать, а через некоторое время они исчезли в одной из комнат дачи. Лелик так разобиделся, что утром не дал Максу денег на электричку и тот добирался до города на попутках.

– Кстати, – прервал его воспоминания Макс. – Брат-то – мой. Без меня ты тоже бы ни на какую рыбалку не поехал. Кроме того, девушек там не будет. Сугубо военная компания подбирается. Квакнем как следует, порыбачим, побалакаем с высшим офицерским составом. Они, знаешь, какие исто-

рии классные рассказывают. Заодно и материала для своей графомании наберешься.

Лелик задумался. Макс хорошо знал, чем зацепить приятеля. Потому что Лелик на одной из пьянок как-то долго излагал Максу свою теорию, по которой следовало, что практически все более-менее известные писатели на самом деле описывают события, которые случались или у них самих, или у их знакомых. Реальная жизнь, как считал Лелик, всегда выглядит намного интересней, чем любая выдумка. Макс этот разговор запомнил, поэтому решающим аргументом, чтобы склонить Лелика принять участие в очередном своем безумном проекте, как раз и была фраза «заодно и материала наберешься».

– Ладно, – решился Лелик. – Уговорил, змей коварный. Когда, куда, во сколько, на сколько и что брать?

– Завтра с утра и поедem, – сообщил Макс. – От тебя требуется только бутылка коньяка, потому что там будет море водки, а мой Серега пьет только коньяк.

– Ну, здравствуйте, – сказал Лелик. – Ты что, не знаешь, какие сейчас времена? В винный магазин надо полдня стоять. Что я, на этот коньяк полсубботы гробить буду? Твой брат, ты и покупай.

– А я и покупаю, – рассердился Макс. – И Серега покупает. Сам же знаешь, больше пары бутылок в руки не дают, а мы на два дня едем. Серега что – одну бутылку два дня пить будет? Так что ты давай, не ерепенься, а быстро отправляйся

в магазин. Не такая уж большая проблема. Заодно в очереди понаблюдаешь за жизнью простого народа. Это тоже для романа пригодится.

– Да нафиг мне сдался твой простой народ! – ответил Лелик. – Сам за ним наблюдай.

– Все, Леха, мне самому в магазин убегать пора. Давай шуруй, а завтра встречаемся в 10 ноль-ноль у моего подъезда, – и в трубке зазвучали короткие гудки.

Лелик бросил трубку на аппарат, лениво потянулся, зевнул так, что на люстре в гостиной зазвенели хрустальные подвески, и стал решать – что и в какой последовательности делать: принять ванну, побриться, позвонить Наташе, чтобы подышать в трубку, а потом отправляться в магазин или сначала тащиться в магазин, а потом уже бриться и из ванной звонить Наташе.

Внезапно затрещал дверной звонок. Лелик подтянул трусы и пошел открывать. На пороге стояла соседка Ира.

– Здорово, Лелик.

– Приветствую, Ириночка, – почтительно ответил Лелик.

Он всегда с Ирой разговаривал почтительно, потому что хорошо знал ее мужа – Мишу Красюка, который в прошлом был чемпионом Москвы по дзюдо. В настоящее время Миша состоял в ассоциации каскадеров и частенько снимался в фильмах на ролях жутких бандитов. Кинематографисты очень любили Мишу, потому что он был два метра ростом, шириной в полтора метра от плеч до ног и внушал ужас по-

полам с трепетом всем, кто его видел. В доме у Лелика был установлен обычный лифт, куда обычно спокойно помещалось четыре человека, но когда там ехал Миша, даже ребенку места не оставалось.

– Слышь, Лелик, – сказала Ира. – Не хочешь со мной прогуляться в винный магазин? А то Красюк за коньяком послал, потому что к нему вечером кто-то с киностудии должен приехать, а мне одной скучно.

– А чего Красюк сам не пойдет? – спросил Лелик. – Ему же в очереди стоять не надо.

– Ты понимаешь, – замялась Ирина, – вчера его новый фильм обмывали. У него там первый раз роль со словами была. Надо было двух мужиков засунуть в унитаз и сказать главному герою: «По стакану за каждого». Так что он до сих пор спит на рояле.

У Красюка дома в маленькой двухкомнатной квартире стоял огромный концертный рояль, который практически целиком занимал одну комнату. На нем в жизни никто никогда не играл, но Красюк считал, что рояль развивает в нем чувство прекрасного, поэтому после особенно крупных пьянок обожал на нем засыпать.

– Какие вопросы? – засутился Лелик. – Для тебя, а особенно для Красюка, я готов на все. Тем более что мне тоже коньячку надо прикупить.

Он быстро оделся, и они с Ирой отправились к винному магазину. Там, как обычно в период борьбы правительства

с народным алкоголизмом, стояла жуткая очередь. Они пристроились в самый конец и спокойно стояли, болтая о том о сем. Часа через три они потихоньку приблизились к крылечку магазина, где стояло несколько добровольцев, следящих за тем, чтобы никто не лез без очереди.

Лелик на самом деле не переваривал все эти скопления простого народа, потому что считал себя настоящим, потомственным интеллигентом, а пролетариат не любил и побаивался его. На ближней к Лелику стороне стоял пропитой парень совершенно жуткого вида: небритая рожа, лиловый синяк под правым глазом и какая-то невообразимая блямба под левым. Лелик, глядя на него, вспомнил какой-то старый анекдот и улыбнулся. К несчастью, улыбка не прошла парнем незамеченной.

– Че лыбишься, интилихент фигов? – набычившись, спросил тот, с ненавистью глядя на холеного Лелика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.